

ТАТЬЯНА СВИЧКАРЬ

Звёздное море

Татьяна Свичкарь

Звёздное море

«Издательские решения»

Свичкарь Т.

Звёздное море / Т. Свичкарь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965013-9

Игорь — красивый юноша из обеспеченной благополучной семьи. Отец его — крупный чиновник, мать — балерина. Вера — дочь матери-одиночки. Но Игорю ничего не нужно в жизни, кроме Веры и звёзд. Обречена ли такая любовь?

ISBN 978-5-44-965013-9

© Свичкарь Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. По ту сторону неба	6
Глава 2. Загадки Вселенной	12
Глава 3. В отдельно взятом королевстве	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Звёздное море

Татьяна Свичкарь

© Татьяна Свичкарь, 2019

ISBN 978-5-4496-5013-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. По ту сторону неба

– Слушай, это всё – как в американском фильме, – сказала Вера, – Ночь. Луна...

Это прозвучало так торжественно, что она почувствовала – Игорь сейчас засмеётся. К тому же он не любил Луну. «Эта большая жёлтая дура выпячивает себя на передний план, не имея на то никаких оснований, – говорил он, – Ну моря, ну кратеры... А светит-то, светит... Вторым Солнцем себя воображает».

– Луна, – продолжала Вера, – И двое на холме, у телескопа... Красивый мальчик, красивая девочка... Сейчас я обернусь к тебе, улыбнусь во все тридцать два «унитазных» зуба (Это мне знакомый стоматолог говорил: на Западе коронки вставляют белоснежные, как сантехника). Улыбнусь и спрошу: «Есть ли жизнь на Марсе?»

– Тебя интересуют сложные формы, или хватит бактерий?

Игорь настраивал в телескопе что-то, неведомое ей. Она скорее почувствовала, чем увидела его мгновенную, летящую улыбку.

«Сравнила, – подумала Вера, – Какая я красивая по сравнению с ним? Так, рядовая морда лица...».

Им обоим близилось к восемнадцати. Вера – невысокая, крепко сложенная, с развитыми формами. Темно-каштановые волнистые волосы острижены коротко. Черты лица крупные, правильные. Одевалась просто – джинсы, свитер. Ни украшений, ни аромата духов. Только Игорь, да ещё, может быть, Димка Лесников, знали о тихом омуте, в котором, как известно...

Словом, хороша Вера или нет – ещё вопрос. На любителя: кому понравится, кому нет.

Но Игорь... Такое тонкое лицо, такие глаза. На него смотришь – рот приоткрывается, и дыхание перехватывает. Стоишь и глядишь, и забываешь, что сказать хотела... Принц... Отпрыск королевского рода.

Это Вера, конечно,хватила. Папа у Игоря никакой не король, а министр. В областном правительстве. Хорошо, хоть – не депутат. Вера почти никогда не смотрит по телевизору новости и политические передачи. Но если мелькнет на экране кусочек про Думу... Право, эти взрослые дядечки ведут себя хуже, чем хулиганы-старшеклассники. Мало того, что соревнуются, кто кого переорёт, так, частенько ещё набрасываются друг на друга – и давай тузить.

Если у Веры в школе, на уроке, что-нибудь подобное случается, классная руководительница по кличке Грымза, сразу открывает дверь в коридор и кричит:

– Лев Ефимыч! Лев Ефимыч!

Лев Ефимыч – преподаватель физкультуры. Комплекция у него – будто он одновременно и штангист, и баскетболист. Два метра в высоту и немного меньше – в ширину. Услышав про Леву, мальчишки сразу притихают. Они знают – Лева, недолго думая, возьмет нарушителя за шкуру, как нашкодившего щенка – и вынесет за дверь. Да ещё под задницу поддаст коленом. Однако, никто из изгнанных на физкультурника не жаловался – понимали, что за дело. А депутаты дрались себе безнаказанно, на потеху тем, кто телевизор смотрит.

Мама же у Игоря и вовсе – балерина. В прошлом прима Театра оперы и балета. Сейчас в хореографическом училище преподаёт.

Когда Игорь звал Веру в гости, она неизменно отказывалась. Ей было не по себе. Боялась, что станет чувствовать себя козявкой, которую недоброжелательно разглядывают в микроскоп. Колеблясь – прихлопнуть, или пусть бежит...

Кто для них Вера? Ноль без палочки, безотцовщина, дочь «русички» – учительницы русского языка и литературы. В сотый раз разбирать с оболтусами «Капитанскую дочку», это вам не решать дела государственной важности, и не партию Жизели танцевать.

Родители Игоря, наверное, боятся каждой девочки, с которой он пытается дружить. Вдруг недостойной кандидатке все-таки удастся охмурить их сына? Разве ему нужна жена из про-

стых? Игорь окончит школу, продолжит образование где-нибудь в Лондоне, получит работу в заоблачных высотах. Тогда и можно будет оглядываться по сторонам и выбирать супругу – среди равных. А пока – нет, нет и нет... И эту девочку в потертых джинсах нужно отвадить. Нет, с ней поговорят вполне вежливо, но...

– Эй, – позвал Игорь, – Будешь смотреть? Твой любимый Марс.

– Моя любимая – Венера, – пробурчала Вера, – Терпеть не могу красный цвет...

– Послушай, – Игорь смотрел на нее даже весело, – Это же страшное дело... четыреста семьдесят градусов в тени...

– Зато помнишь, ты мне её показывал? Она ослепительная. Как бриллиант.

– И её земли носят имена наших богинь любви, – сдаваясь, сказал Игорь, – Архипелаги Иштар и Афродиты, и земля Лады.

– А еще горы Фрейи, уступ Весты, – Вера помнила всё, о чем он ей говорил.

– Ну, посмотри, тут гораздо интереснее, – звал Игорь.

– И что тут... – Вера прильнула к телескопу, зажмурилась, наморщила нос, – Подумаешь... Разговор-то... А всего-навсего – горошина, бусина...

– Ну, это подожди, вот доживём до противостояния... Тогда всё вам, мадмуазель, будет – с нашим удовольствием. Увидишь полярные шапки, моря и бури... А насчет жизни... Помнишь?

И он начал немного нараспев, будто стихами, когда одно слово порождает другое:

– Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К. ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с сором. Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя, и никто не выходил на улицу, мистера К. можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застило берега, и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.

Голос Игоря звучал напевно и торжественно. Будто молитву повторял. Вера не слышала прежде этих строк, но они заворожили её. Вспомнилась последняя постановка «Мастера и Маргариты» – с таким же таким же торжествующим спокойствием, будто ему диктовали свыше, артист говорил о белом плаще с кровавым подбоем – всадника Понтия Пилата.

– Ничего себе, – сказала Вера, – Тебе не ученым надо быть, а писателем-фантастом...

– Смеешься? Позор тебе – это же Брэдбери... «Марсианские хроники». Я из них почти всё помню наизусть.

«Может, уже хватит? – услышал Игорь материнский голос так отчетливо, будто Екатерина Сергеевна стояла рядом, – Ну, сколько можно играть со своими звёздами? Тебе восемнадцать лет, выросла – верста коломенская, а всё туда же...

– Напомнить, кто в этом виноват? – спросил бы Игорь, – Ты и твоя Людмила.

Не так часто, но мать все же водила его, маленького, в гости к своим подругам. Все они тогда были молоды, все танцевали. Игорь знал, что его там ждет. Женщины – такие же худенькие, гладко причёсанные, как мать. И так же проступают вены на высоких лбах. И разговоры – взахлёб, упоённо – о балете – о сцене, партиях, учителях.

Он запомнил, как мамина подруга Людмила, рассказывала о своём наставнике.

– Оскорблял! Каких только гадостей ни говорил... Пока до слёз не доведёт – на сцену не выпустит. Так я и танцевала – сквозь слёзы. А теперь – как я ему благодарна, Матерь Божья!

Театр – это же гадюшник настоящий, слова искреннего не скажи, лишний раз засмеёшься – тут же о тебе насочиняют невесть что. А мне теперь, – она покосилась на Игоря и сказала, – Однофигственно! Пусть хоть бомбу на сцене взорвут – на руинах танцевать буду!

«Маме бы немножко такой выдержки», – подумал Игорь.

Он вспомнил, как ездил с матерью на гастроли в Испанию. Первые несколько дней спектаклей не было, только репетиции. По вечерам Екатерина Сергеевна и Игорь подолгу гуляли по улицам Мадрида, впитывали в себя чужую жизнь, чужую старину.

Мама говорила что-то о корнях, о том, что никогда не привыкла бы здесь, не смогла уехать из России. А Игорь – для него это была первая поездка за границу – глазел вокруг, как маленький. И огни реклам плыли перед ним сверкающей каруселью.

Когда же они вернулись в гостиницу, мама поняла, что потеряла ключ от номера. Она пришла в отчаянье. Трясла свою маленькую, расшитую стразами сумочку, потом вывернула её прямо на красную ковровую дорожку. Как слепая прихлопывала ладонями, ощупывала рассыпавшиеся вещи – пудреницу, губную помаду, пачку салфеток, невесть как оказавшуюся тут брошку-бабочку, об которую тут же и укололась. И съёжилась, заплакала – сидя на полу. Вся такая маленькая, угловатая, палец сунула в рот, слизывает кровь...

Игорю показалось, будто он старше мамы на целую жизнь. Он взял её за другую руку, и заговорил: подчеркнуто медленно, спокойно. Как с маленькими детьми, которые ещё не все слова понимают.

– Успокойся. Сейчас я спущусь, позову кого-нибудь – нам откроют номер. А если мы не найдем ключ, нам дадут запасной.

Пройдёт много лет, прежде чем он поймет: мама – артистическая натура, и у неё каждая мелочь превращается в трагедию. Она плачет, заламывает руки, вся – воплощенное горе. Игорь понимал это, и что причина пустяковая – понимал, но все равно не мог оставаться равнодушным, и сердце у него сжималось, и он старался утешить мать.

А вот её подруга Людмила – веселая, и никаких трагедий не устраивает. Людмилу волнуют дела земные. Она говорит с мамой о том, что в последнее время расписание репетиций готовится на один день. Что будет завтра – узнаешь только накануне вечером. Неудобно ужасно! Урок, потом репетиции, короткий перерыв, и снова репетиции или спектакль. Не поешь, не отдохнешь. Не будешь же мотаться в короткий перерыв из одного конца города в другой. А дирекция театра будто считает: чем артистам хуже, тем лучше. Людмила тоже живёт в делах балета – но сиюминутных.

Если б Игоря спросили – он сказал, что балет ненавидит. Но не из-за фокусов дирекции, и не из-за того, что маму кроме танцев ничего не интересует.

Нет, балет стал его личным врагом в тихий вечерний час, когда он без стука, неслышно, вошел в мамину комнату, неся в руках «Детей капитана Гранта». Может быть, мама ему почитает?

Она лежала на диване, дремала, укрытая клетчатым пледом. Этот плед был всегда с ней. Она – то набрасывала его на плечи, кутаясь, будто в шаль. То, как сейчас, укрывалась им. Вся мамина энергия уходила на сцену. А дома она была хрупкой, усталой, всё время мерзнущей.

Она лежала, закинув руку за голову, вытянувшись, её ступни были обнажены. Игорь подошел – и забыл, о чем хотел спросить. Он не видел этого прежде. Он помнил маму в туфельках на высоких каблуках. Тридцать третий номер. Золушка. И маленькие ножки очень соответствовали всему маминому легкому, грациозному облику. А дома Екатерина Сергеевна неизменно носила мягкие сапожки, угги.

– Боже, как хорошо, – повторяла она, переобуваясь. Или ничего не говорила – только блаженный, облегченный вздох.

А то, что он видел сейчас... Это были не мамины ноги... нет... они принадлежали какому-то чудовищу. Неестественно длинные пальцы, и мизинцы, будто сломаны. Мозоли! Каменные, темные... На левой ноге ноготь на большом пальце синий, будто его молотком ударили... И это у мамы, которая так заботится о всякой мелочи – долго подбирает платья, украшения, если идет на званый вечер – несколько раз переменит прическу.

Игорь догадывался: не случилось ничего, из ряда вон выходящего. Маму не пытали, прищемляя ей ноги. Уродливые ступни, и летящий бег по сцене – две стороны одной медали. Но как же это больно – красота! Игорь помнит, что у него был такой же синий ноготь, когда он нечаянно зажал руку дверью. Но его мама, возводившая каждый пустяк в трагедию, как раз боль трагедией не считает. Для неё – это неважно. И для тети Люды неважно... Но простить мамино страдание – балету он не мог.

Он всегда был очень чуток к боли. И когда мама рассказывала что-то тяжёлое, историю о мучительном для нее выступлении, когда еле-еле додержалась до конца, она заметила, что Игорь взялся за виски:

– Что с тобой?

– Больно... Будто смычком по сердцу...

Мама запомнила это выражение, и впредь спрашивала: «О спектакле рассказать? Но там будет такое... смычком по сердцу. Так хочешь послушать?»

А в тот раз она, почувствовав возле себя Игоря, пробудилась от дремоты, перехватила его взгляд, и поспешно укутала ноги. При этом она улыбкой старалась показать сыну, что это – ерунда, ничего...

– Зато как красиво, – сказала она, – «Пуанты» по-русски как раз и означает – «остриё, точка». Мы касаемся земли двумя точками, а то и одной. Вот и мозоли... Летать можно только на мозолях...

И потрепала его волосы.

– Что, и у птиц на крыльях есть мозоли? – спросил Игорь, и поскольку Екатерина Сергеевна ответила не сразу, пояснил сам себе, – У них не видно. У них – перья.

– Ты у меня тоже пойдешь в хореографическое училище, – сказала мать, как о решенном, – Сам узнаешь, что это за жизнь.

Он замотал головой:

– Нет, нет...

Но Екатерина Сергеевна никак не среагировала на это его «нет», видимо, просто решила не настаивать в ту минуту. Однако судьбу Игоря она для себя определила.

– Пойми, – доказывала она мужу, который не пребывал в восторге от того, что сына делают «балеруном», – Игорь же будет идеальным Зигфридом... у него данные, я-то понимаю...

Игорь чуть не взвыл:

– Так вы это серьёзно?! Хорошо издеваться, я танцевать не пойду!

Он представил: искалеченные пальцы, все тело болит, и ежедневная каторга у станка...

– Просто покажись комиссии... просто покажись, – убеждала его несколькими месяцами позже Екатерина Сергеевна, – Что ты теряешь? Не беспокойся, там увидят твою кислую физиологию – и сразу дадут от ворот поворот. И пойдем за мороженым.

Приёмные испытания проходили в три этапа. Игорь надивиться не мог – сколько девочек (девчонок все-таки в толпе было больше) хотят добровольно сесть на балетные галеры. Толстушки и худенькие, высокие и коротышки, стриженные и с бантиками. Кто-то нервничает и дергает маму за руку, другие повторяют разученные танцевальные движения. У третьих заранее – слезы на глазах.

Игорь демонстративно отвернулся к окну: лучше смотреть на дождливый день, на мокрые чёрные дорожки в парке, следить за каплями, бегущими по стеклу, чем глядеть на это общее безумие или слышать привычный, надоевший уже шёпот:

– Посмотри, посмотри, какой мальчик красивый...

Через четверть часа красивый мальчик стоял перед приёмной комиссией, и, не смотря на то, что был почти голым – в одних трусиках, смотрел на мэтров насмешливым взглядом. Все эти: «Повернись... подними голову... встань на носки...» – он выполнял быстро и небрежно, и та же насмешка чувствовалась в его движениях.

– А ведь идеально сложен мальчишка, – сказал пожилой мужчина.

– Конечно, может быть, вырастет, и... Но пока, да-а... – негромко поддержала его дама, так же гладко причесанная, с пучком сзади, как и мама.

Она подошла поправить ему руку, и он заметил какая красивая брошь у нее на груди, внизу глубокого выреза черного платья. В камне мерцают синие искры – будто звёздное небо.

Отсев был большим, очень большим. Когда они с Екатериной Сергеевной уходили, Игорь видел слёзы на глазах не только детей, но и мам.

На втором этапе испытаний за дело взялись врачи. Здесь отбраковка была меньше. До третьего тура дошло около ста человек. Из них предстояло выбрать тридцать.

– Тебе сыграют музыкальный отрывок, – наставляла мама, – И предложат станцевать... «Я им станцую», – думал Игорь.

И, вот, наконец, он стоит посреди зала. Акомпаниаторша маленькая, какой-то довесок к роялю. Она заиграла, Игорь с первых тактов узнал вальс. И, не желая ничего изображать, он раскинул руки и закружился – полетел по большому залу, наслаждаясь свободой – потому что дома было все-таки тесно; здесь же – беги не хочу.

А через несколько минут... Игорь распахнул дверь, Екатерина Сергеевна поднялась навстречу:

– Добилась своего? – почти с ненавистью выкрикнул он, – меня приняли!

И пошел впереди нее по коридору, заложив руки в карманы, не желая оглянуться, провожаемый шепотом толпы. Не нужно ему было теперь и мороженое.

...Он занимался в училище два года, и окончательно уверился, что у них с балетом нет ничего общего. Все эти бесконечные репетиции, выкрики педагогов:

– Длинная нога, длинная, длинная... Отходим назад на левой ноге!

– Выверни ногу, пусть пятки улыбаются!

И эта боль, которая пришла, как он и ожидал... Мечты и волнения его соучеников о ролях, о спектаклях – всё это было ему абсолютно чуждым.

– Голубушка, – сказал, наконец, маме старый педагог Захар Максимович, тщетно мучившийся всё это время с Игорем, – Не гоните вы его палкой по этому пути... Невольник – не богомольник. Ваш мальчик нарочно не хочет делать то, что я велю. А как, по-вашему, он будет учиться дальше? Уж вы-то знаете, какие нагрузки в старших классах. Не мучьте сына, отдайте его в обычную школу.

Несколько дней Екатерина Сергеевна молчала. Игорь не мешал ей, не подходил с вопросами. Понимал: маме надо пережить крах мечты о его балетной карьере. И что скоро всё будет, как раньше. А попадаться под горячую руку – слышать резкие и несправедливые слова – ему не хотелось.

В конце концов, родители устроили его в английскую спецшколу, и перевели дыхание. Все же не совсем рядовой путь – школа элитная. А ребенок, истомленный борьбой с балетом, воспринял ее как передышку, и учится отлично.

Единственная память о прошлом – мама берёт его в гости к Людмиле, когда у неё собирается балетное общество: «Потом будешь вспоминать, что знал этих людей». Возможно, будь Игорь постарше – он бы их оценил. Но двенадцатилетнему мальчику разговоры о балете – нестерпимо скучны.

И ведь даже не договорят до конца фразу. Только начнут, пару слов скажут – и уже смеются, им всё понятно, они-то свои...

Ни кошки, ни собаки у тети Люды нет. Торт Игорь уже съел – теперь, когда диеты кончились, он клал себе второй кусок, растягивал удовольствие. Ложкой выминал в мягком бисквите окошечки и представлял, что это рыцарский замок, а поверху, вдоль кремовых розочек, разгуливают часовые. Сидел, мысленно вспоминал романы Вальтера Скотта, и кусок незаметно исчезал с блюдечка.

Наконец Игорь переполз в большое бледно-зеленое кресло, и уронил голову на руку. Он сидел так же артистично, как мама. Воплощенная тоска. Тетя Люда, проходя мимо, легко погладила его по волосам:

– Бедный несостоявшийся Зигфрид... скучаешь? Ну, на тебе, посмотри хоть вот это... тут картинки красивые.

И опустила ему на колени дорогой тяжёлый том.

Глава 2. Загадки Вселенной

Это был альбом «Загадки Вселенной». Фотографии, сделанные с помощью телескопов. Планеты, звёзды, кометы, туманности... Игорь взгляделся и обмер. И пропал навсегда.

Перед ним лежали галактики. Их хрустальные завитки, образованные миллионами звезд, казались пронизанными коричневыми жилками и трещинками – и не хрусталь уже это был, а древний, благородный агат. А стоило подумать – сколько жизни, и в каких формах могло таиться вокруг каждой звездной искорки!...

Непередаваемо-яркие хвосты комет, неземных цветов брызги. Где начинается путь этих вечных странниц и где заканчивается он?

Таинственная синева планет... Уран... Нептун... что таится под их покровами?

И имена звёзд – завораживающие: Ахернар, Бетельгейзе, Антарес...

Одной из любимых сказок Игоря была история о Джеке, бросившем в землю волшебные зерна. Из них выросли бобы, потянулись в неведомую высь. «Что там, за облаками?» – подумал Джек и полез в поднебесье.

А на облаках стоял сказочный замок. И начиналась история, которую Игорь много раз проживал мысленно, перевоплощаясь в Джека. Ему хватило бы единственного облака, замка на нём, и заколдованной принцессы, которую можно расколдовать. Но в глубине души Игорь всегда знал, что это – сказка. Однако то, что он сейчас видел – была правда, которую каждую ночь можно увидеть своими глазами. А недоступное взгляду – подтверждали телескопы.

Почему же люди живут – мимо этого? Почему никто из тех, кого он знал, не потрясён этим так, как сейчас – он?

Игорь знал это: по себе, по своей семье – они годами не видят ночное небо, забывают, что на небе есть звёзды. Заняты своими делами, такими мелкими перед этим великолепием! Перед этими мирами – живущими, дышащими, пульсирующими...

Игорь верил в Бога. Когда-то в младенчестве, маме некогда было с ним сидеть, и у него была няня Даша. Она и приучила его повторять перед сном короткую молитву. Позже, как ребёнок из культурной семьи Игорь узнал, в общих чертах, Священную историю. Но теперь, когда ему уже минуло двенадцать лет, он начал задумываться – что же Бог? Он существует только для одной, их, планеты? И в других мирах – где есть жизнь – там свои Создатели? Наверное, так: невозможно представить себе, что Бог один – для всей Вселенной, с ее неизмеримыми расстояниями. Что даже его Божественной мудрости хватает на каждое существо в мироздании. Что рай и ад – одни для всех: и для людей с планеты Земля, и для разумных головоногих с какой-нибудь Альфа-Центавра.

Когда-то, он задавал няне Даше гораздо более простые вопросы. Она отвечала ему сперва: «Не мудрствуй лукаво!» А потом сказала: «Человеку постичь Господа, все равно, что попытаться перелить океан в ямку, вырытую пальцем в песке».

Но теперь Игорю никто не мог помешать размышлять об этом. Он пытался представить себе, что происходит там, за краем мироздания? И тогда он видел вселенную – большой черный шар – над которым Бог сидит, склонив лицо. А вокруг Бога – все в золотой дымке, скрывающей райские сады. И дальше уже Игорь ничего не пытался вообразить. Потому что райские сады имеют право на бесконечность.

Первый свой телескоп Игорь купил случайно. Он учился в девятом классе, и даже не мечтал о такой роскоши.

Екатерина Сергеевна взяла его с собою в Санкт-Петербург. Она считала – нельзя упускать случай вдохнуть воздух культурной столицы. А для неё самой Питер – это еще и возможность власть пообщаться с подругами. Кто-то танцует в Мариинке, кто-то в Михайловском...

Игорь был в Питере не в первый раз, и уже не останавливался потрясённо, бродя по его улицам. Вот если бы действительно сделали музей под открытым небом – ступаешь на тот же Невский: и никаких машин, никаких реклам... Тишина, и каждый дом разглядываешь, как личность. Здесь бывали Пушкин и Лермонтов... Тут, в Казанском соборе, похоронен Кутузов.

Но рекою текут мимо автобусы и машины, но огромные плакаты, закрывают старинную лепнину, но торговцы заывают на каждом углу...

И все же та поездка была хороша. Игорь навсегда запомнил, как шли они с мамой вдоль канала Грибоедова. И день был славный для Питера – солнечный, почти тёплый. Иногда налетал пронизывающий ветер, но без этого тут и не бывает...

Они шли узкою улицей, и навстречу им нескончаемо спешили иностранцы, которых привлекали яркие, как лубочная картинка, купола храма Спаса-на-Крови. Заморской речи вокруг звучало много больше, чем русской. А на одном из мостиков, переброшенных через темную воду канала – сидел на складной табуретке, и играл на гитаре парень.

– Послушай, а ведь замечательно играет, – удивленно даже сказала Екатерина Сергеевна, замедляя шаги, – Это испанское, слушай, слушай...

Игорь вслушался:

– Да нет же, – сказал он, – Это украинское, ты сама это поешь... «Ніч яка місячна, зоряна, ясная! Видно, хоч голки збирай...»

– Нет, нет, ты врешь... Это же «Romance Anonimo»... «Ніч» просто похожа, но она для бандуры... А это гитара... именно гитара...

Игорь смотрел на полузакрытые глаза матери, на то, как поводила она подбородком, слыша мелодию не только извне, но и внутри себя – и думал, что ей дано больше него. Он не способен так легко заплакать, но и вот такое полное наслаждение мигом – ему недоступно. Другие же считают этот её дар – именно дар – истеричностью.

А немного дальше, у стены дома, прислонясь к ней, спасаясь так от ветра, сидела женщина – немолодая, крашеная блондинка, и перед нею – коробка с дисками. Она ставила их один за другим, и мелодии мели улицу, кружась и уносясь, как ветер, с осенними листьями... «Макарова танцует в Мариинке – ну, чем она тебе не Натали?»

– Как же... Кто же не помнит... Наташа Макарова... Прима... В Америке сейчас живёт... – кивала Екатерина Сергеевна.

Вот так: с Натали, и «Romance Anonimo»... они вышли на Невский проспект и свернули к долгому жёлтому зданию Гостиного двора.

И пока Екатерина Сергеевна разглядывала вещи новых коллекций («Иди, выпей кофе, я тебя потом найду») Игорь брёл по бесконечным коридорам Гостинки, отыскивая кафетерий. А потом он повернул голову, и увидел его.

Маленький, чёрный, на штативе, он стоял, нацелившись вверх, будто живой. Даже здесь, в отделе, где продавались оптика и фототовары, для него существовало одно только небо. И, презрев людей, будний торговый день – он не мог от него оторваться.

Игорь никогда до этого не видел телескопов вблизи, но его нельзя было не узнать. И этот проводник, этот мост через расстояния, способный провести его к звёздам – был доступен, его можно было купить.

У Игоря в кармане лежала сумма, большая, чем его обычные карманные деньги. Отец дал: «Может, что-то захочешь купить себе в Питере». Игорь собирался потратить деньги на книги: напротив Гостинки – магазин с богатым выбором... Но теперь... ему хватало как раз.

Екатерина Сергеевна едва узнала Игоря. Она шла ему навстречу, руки увешаны пакетами. А он приближался какими-то неуверенными шагами, и нёс большую коробку, и глаза

у него были нездешние. И всю обратную дорогу: в гостинице, и в купе поезда, он держался рядом со своей дорогой коробкой, то и дело касался ее.

Это был совсем простой телескоп, для школьников. Билет, позволяющий постоять на галёрке Вселенной.

Конечно, сперва Игоря повлекла Луна. Она так заманчиво, так доступно висела перед глазами, и тёмные пятна на её поверхности манили: «Взгляни на нас поближе!»

В разные времена всего двенадцать человек ступили на поверхность Луны, и принесли на подошвах в свои космические корабли лунную пыль. Они говорили, что на ощупь она напоминает снег, пахнет как порох и вполне сносна на вкус.

Но и, не касаясь, а лишь разглядывая Луну... От увиденного – дух захватывает. Пустынные дикие пейзажи, и вообразить нельзя было, что такие существуют... На Земле, при всём многообразии, нет таких!

А женская головка на берегу Залива Радуги? Это было целое явление, оно называлось «лунный астеризм». Чуть сильнее сделаешь увеличение – и увидишь эту гордо вскинутую головку, увенчанную греческой причёской. Игорю удавалось разглядеть даже крылья за спиной лунной феи.

А вот планеты его поначалу разочаровали. На фотографиях, которые он видел в альбоме Людмилы, а потом и в тех книгах, что покупал сам – планеты были перед глазами, казалось – можно ступить на них. Испещрённая кратерами, раскаленная, безжизненная поверхность Меркурия, неистовствующая Венера, Марс с его шапками льда и тонкими, как нити каналами...

Но глянешь в телескоп, и где-то в невообразимой дали – крошечные бусинки, горошинки, отметка в сознании: «Мы есть»...

Потом зрение будто развилось, а на самом деле, вооруженный знаниями, Игорь научился смотреть. Он заметил, что если приглядеться к крошечному, будто сплюснутому Юпитеру, на диске планеты можно заметить несколько полос. Юпитер стал близким, как полосатый мячик, заброшенный неведомой рукой в Солнечную систему. А позже Игорю удалось рассмотреть на этом «мячике» и знаменитое Красное Пятно. Так астрономы называют гигантский вихрь, много столетий гуляющий по планете. Какие силы бушуют в нем? Представить эту мощь на Земле – было просто невозможно.

С восторгом Игорь открыл для себя кольца Сатурна. Они даже приснились ему раз – проплывающие круг за кругом, бесчисленные куски камней и льда, спутники планеты. Это была олицетворенная застывшая вечность.

Марс имел вид красноватой горошины с белой полярной шапкой. И так легко оживали завораживающие строки из рассказов Брэдбери, когда вот он – перед глазами.

А сколько звёздных скоплений увидел Игорь! Он знал, что будь у него телескоп мощнее – они напомнили бы ему пчелиные рои. Когда-то их так и называли: звёздные рои.

Но Игорь понял также – чтобы остаться наедине с небом, нужно уезжать из города. Городская «засветка» здорово мешает. Все эти фонари – закрывают ему путь к небу.

Надо было искать другое место. В парки, в неосвещённые их уголки идти не хотелось. Мало ли на кого нарвешься...

В конце концов, Игорь отыскал подходящее местечко. На окраине города поднимались холмы. Часть их была занята дачами. Но к дачам вела дорога, и на машине можно подняться почти до самой вершины. После одиннадцати вечера там всегда безлюдно. Город лежал далеко внизу. И небо – роскошное звёздное небо – прямо над головой. Когда оно так близко, когда ничто не мешает – ни свет, ни звуки – разве что птица запоёт где-то, тогда звёзды будто начинают говорить. Игорь знал уже, что великие философы древности именно так и получали свои откровения – уходя от людей, слушая голос Вселенной.

Мама поручила Вере собрать последний виноград. Когда-то дачу любила вся семья. Одно из первых воспоминаний Веры: отец строит домик. Маленький, белого кирпича, обрастает он потом деревянной резьбой. А рядом бассейн: «Чтобы ребёнок плескался». И мама, раскрасневшаяся, счастливая – она всегда любила этот труд на земле – сажает тонкие веточки:

– Это будет вишня, это яблоня...

Позже родители разведут костер. Нет, не для шашлыков. Мясо на углях и тогда, в далеком её детстве, и теперь – были роскошью недоступной. Мама повесит над огнём алюминиевый котелок, и будет варить кулеш. Что бы ни готовила мама – всегда получается вкусно. Она говорит – в ком есть хоть толика украинской крови – даже учиться не надо. Это в генах. Руки сами знают, что бросить в котелок.

Булькает пшено, придавая вареву красивый перламутровый цвет. Островками поднимаются кусочки картошки и поджаренного сала. Листья петрушки, сорванные тут же, уже «со своей земли» плывут, как зелёные кораблики.

Вера хлебает кулеш и наблюдает, как по ноге её ползёт маленький расписной жучок. Расцветкой он похож на божью коровку, но взрослые говорят о нем – солдатик. Вера придумывает насекомому полный титул: «Божьикоровий солдатик».

Потом родители разошлись. Вере было шесть лет. Случившееся она понимала по-детски. Папу увела тетя Наташа. Он очень быстро собрался, потому что мама на него кричала. Взял чемодан и ушел. Вчера был, а сегодня – нет его.

Без отца всё начало ветшать. Мама, которая так прекрасно умела готовить и лечить Веру, если та болела, в остальных делах была беспомощна. И в доме постоянно случались мелкие катастрофы – то кран потек, то перекосило дверцу шкафа, то стиральная машинка заскакала по ванной, словно бешеный зверь.

Мама решила не звать отца, что бы ни случилось. Она вырезала из местной газеты телефоны разных фирм типа «Мужчина на час». Звонила, чтобы оттуда пришли – прибить, починить.

У них уже образовался знакомый мастер по ремонту холодильников – двухметровый дядька. Маленькую Веру забавляло, что телефон у него висел на ухе. Это называлось «свободные руки». Степан Иванович «лечил» холодильник, а по телефону ему звонили другие клиенты. У мамы и Веры была старая «Ока», и мастер возился с ней долго. Вера стояла рядом, и Степан Иванович рассказывал ей про войну. Он увлекался Второй мировой – его отец был из тех немногих, кто пережил сражение на Курской дуге.

Вера запомнила, что отец Степана Ивановича был разведчиком, и оказался на месте битвы всех раньше. Он ожидал наступления, и нельзя ему было обнаружить себя. Какое там – попить, поесть! Пил из реки, «по-волчьи». А на рассвете вдалеке показалась серебристая лента, это шли вражеские танки. А когда начали рваться снаряды, стало так темно, что несколько дней не было видно солнца.

Вера ждала Степана Ивановича вовсе не ради «Оки», а чтобы послушать эти... нет, не сказки, но завораживали они ещё больше.

...Молодые парни из аварийной службы тоже знали их семью очень хорошо. Несколько раз они приезжали ночью, когда в ванной срывало кран, и вода начинала хлестать через края раковины на пол.

Нередко мама, заканчивая проверять тетради, говорила одну и ту же фразу:

– Скоро тут все рассыплется в прах – и что мы будем делать, Вера?

Они жили без будущего.

Сильнее всего обветшала дача. Первый этаж был построен из кирпича, и служил кладовкой: здесь они хранили инструменты и пленку для парников.

На второй этаж снаружи дома вела деревянная лестница, настолько шаткая, что Вера не пускала мать подниматься по ней, и сама побаивалась всходить. На втором этаже была

жилая комната – этакий деревянный ларец с покатым потолком. Розовые в цветочек обои изрядно отсырели. Старая узкая тахта, столик, несколько стульев... Давно уже никто не ночевал тут, и комната приобрела нежилой вид. К ней примыкало нечто вроде балкона. Пол застелен листами шифера, а над головой по сетке вьется виноград. Нисколько он не был вкусен – кислый. Но удивительно душистый. Тяжелые темные гроздья благоухали ароматом изысканного вина. Мама замораживала виноград, а зимой варила из него компоты. И в пурпуре напитка было – само лето.

На исходе того сентябрьского дня Вера чувствовала себя акробатом, балансируя на «балконе», чтобы дотянуться до винограда. Сорвешься – мало не покажется, метра три лететь. А внизу – бассейн, который строил отец: пустой теперь, растрескавшийся, неприглядный. Грохнешься в него, и как потом дозваться на помощь?

Вниз спускаться было ещё труднее. В каждой руке по тяжёлой сумке, и даже на верёвочные перила рассчитывать не приходилось: не зубами же за них хвататься?

Смеркалось уже, и Вера шла по пустынным дачным улицам с опаской – кто ещё может встретиться...

Она привыкла «срезать угол», и спускаться по крутой тропинке, еле видимой в высокой траве. Но в сентябре темнеет рано, теперь и не разглядишь, где нужно свернуть.

Вера опустила сумки. Хоть немного постоять, чтобы руки передохнули. Она подняла голову, провожая закатную полоску, медленно исчезающую за горизонтом. И на фоне неба увидела силуэт. На склоне холма мужчина устанавливал нечто, напоминавшее ей подзорную трубу.

Глаза их встретились, и Вера, никогда до того не окликавшая незнакомых людей, неожиданно спросила:

– А это у вас это?... Извините, конечно... Но ведь темно уже, не видно ничего...

И также неожиданно для себя Игорь – предложил:

– Хотите взглянуть?

– Вот тогда ты мне и показал Венеру – помнишь? Интересно, а что будет дальше? Не при нас... При нас-то даже на Марс не слетают... Но когда-нибудь, может быть... Межзвёздные полёты... Города на других планетах. Как у твоих любимых фантастов.

Они сидели рядом – Игорь, обняв колени. И Вера, кутая подбородок в высокий воротник свитера. Уже надо было возвращаться, потому что поздно – и скоро мама начнет названивать Вере на мобильный телефон – где дочка, и кто проводит её до дома.

От Веры пахло необычными духами. Ее мама когда-то очень любила духи: покупала сама и отец ей дарил. В шкафу, на антресолях хранилась коробка с флаконами, и не все они опустели. Игорь ощущал – аромат благороден и тонок. Вера могла бы ему сказать, что духи называются «Торжество», что есть в них нота горькой полыни.

И как всегда – даже когда она сидела возле Игоря, и в любую минуту могла коснуться его, взять за руку – тоже неуловимая почти нота тончайшей горечи. Будто он вдруг мог исчезнуть...

Глава 3. В отдельно взятом королевстве

Они возвращались. Игорь всегда провожал Веру. Это было требование её мамы – довести девочку до подъезда. Но если бы мама и слова не сказала, у них самих сложился ритуал – расставаться у Вериной двери.

Вера жила в районе, на который власти давно махнули рукой. Дома, построенные в 70-х годах, кирпичные пятиэтажки, стояли тесно, и во дворах было мало солнца. Да ещё росли здесь высокие старые деревья, тополя. Хозяйки натягивали меж стволов веревки, сушили белье. В июне дворы утопали в белых облаках пуха. Люди по этим облакам – ходили. Бог словно исполнил свое обещание и взял бедных на небеса.

А в остальное время земля здесь была голой. Траву давно вытоптали. Но неподалеку образовался небольшой парк. Без всякой ограды – газон, несколько берез, кленов и плакучих ив, дорожки... Удивительно, что этот кусок земли до сих пор не застроили. Не наездишься ведь в город, чтобы погулять в ботаническом саду, в больших парках. Так что этот островок природы здешним жителям был так же дорог, как больной девочке из сказки Андерсена, её горошина, выросшая на подоконнике.

Игорь оставлял машину, и они с Верой шли по дорожке – медленно, меж плакучих ив. Когда они возвращались, всегда было уже темно. Путь освещали фонари. Осенью листья берез лежали под ногами и светились, как небесные монеты. А листья кленовые... Пока их мало – само совершенство. Малиново-изумрудное, резное. Потом листопад набирал силу, Игорь и Вера шли, зарываясь ногами в сухие, шуршащие ворохи листьев.

А зимою здесь появлялись ледяные дорожки, и они катились. Игорь – лихо, первый, и потом поджидал её, раскинув руки, в конце дорожки. Пока она, взмахнув судорожно ладошками, не припадала, наконец, к нему.

Сейчас был май. Еще не прогрелся воздух, но холод стал тонким, как духи. Холодный воздух пах свежей землёю, и молодой листвой. Всё вокруг вдруг оделось после зимы, Игорю и Вере стало казаться, что они не под открытым небом, а идут по залам зелёного дворца.

Они шли, и пальцы их были переплетены. Вера закрыла глаза, и некоторое время шла, ничего не видя вокруг. Даже с закрытыми глазами ей было так спокойно, как обычно бывает людям только во сне. Куда бы Игорь ни свернул – она пошла бы за ним.

Она почувствовала, как он вдруг резко повлёк её в сторону. Она открыла глаза. Оказывается, большая ветка лежала на дороге, преграждая им путь.

– Ты чего? – удивлённо спросил Игорь, – О чём-то думала? Ведь упала бы...

Она засмеялась... Нет, нельзя было сказать ему – с чего это вдруг она пошла, как слепая.

– Можно я о тебя вторую руку погрею? – спросила она, быстро зашла с другой стороны и сунула правую ладонь – в его, теплую, – Застыла, правда...

Пять минут назад они вышли из нагретой машины...

– Просто я мерзлячка... Знаешь, мы когда-то с мамой отдыхали в Кисловодске. Снимали маленькую комнатку. Нас было двое, а третьей к нам поселили – девушку Регину из Прибалтики. Мы приехали в феврале, но на Кавказе нет зимой морозов, какие у нас в это время бывают... И всё-таки наша хозяйка каждый день топила печку. Регина спала у самой голландки. Жарко, даже душно, а она наденет свитер, лосины, теплые носки, да ещё у хозяйки второе одеяло попросит. Она была цветочница, намерзнется за день на улице... Так что я ещё не худший вариант...

– Я хочу спросить, – Игорь остановился. Он стоял теперь, загораживая ей дорогу, и по голосу его она поняла, что ему очень не по себе, – Ты за меня выйдешь замуж?

– Что? – лицо у нее дрогнуло, будто ей это никогда даже в голову не приходило, – Да что ты говоришь такое?

И она снова собралась идти.

– Подожди, – он удержал её, – Ты просто не хочешь? ... тогда все, нет вопросов... Или ты говоришь «нет» – потому что есть другая причина?

– погоди, я не пойму, с чего ты вообще решил жениться? Ну, девчонки замуж рвутся, так что «держите их семеро». Но кто сейчас из парней женится в восемнадцать лет?

– Скоро экзамены. Потом отец хочет отправить меня учиться в Лондон...

Она опустила голову. Он отметил её усмешку, и то, что она некоторое время не могла поднять на него глаза.

– Так ты мною от Лондона спасаешься...

Он держал руки на её плечах. Вера не могла найти этому слова – благоговейно?

– Ты же всё понимаешь... Как я буду жить? Я – там, а ты – здесь? – с отчаянием спросил он, – Несколько лет?! Как – порознь?! У нас дома сейчас вообще война.

– Из-за меня? – испугалась Вера.

– Нет, из-за этой Англии. Я не поеду... Всё равно не поеду, пусть что хотят, то и делают... Но нам с тобой никто не должен мешать. Дергать, разлучать... Никакие родители... Чтобы больше не прятаться, не оправдываться... Хватит!

– У тебя отец с матерью никогда «на меня» не согласятся, – тихо сказала Вера, – И этот Лондон... Все равно они тебя туда отправят. А потом женят со свистом на богатенькой. Когда сами решат, что уже пора...

– Слушай меня, – Игорь смотрел ей в глаза, и теперь она уже не могла отвести взгляда, – Никто никуда меня не отправит. Если мои родители тебя примут – ты согласишься?

– Соглашусь, – сказала Вера, – Сейчас, закрою глаза, соглашусь, и целых десять минут поживу в этой сказке. Помечтаю хоть. А потом как открою...

Игорь наклонился, и поцеловал ее. Шёл второй час ночи, никого не было в парке, и они стояли, обнявшись. И пили друг друга, и не могли оторваться. Впервые прорвалась эта жажда, томившая их, и ни один не мог откачнуться первым.

Всё перестало быть важным. Вера забыла уже, что её ждет дома мать, не думал и Игорь, что его родители, может быть, тревожатся. Только быть вместе, только это имело значение...

Вера не помнила, чтобы когда-то у неё так колотилось сердце. В небе ветер раскачивал ветки ивы, и казалось, что вместе с молодой листвой раскачиваются и звёзды.

Мама, конечно, стояла у окна. Не могла она спать, пока Вера не придет домой. А ведь завтра маме на работу! Она ведет по шесть-семь уроков каждый день. А за нынешними оболтусами не задержится и нахамить. Они же не знают, как долго будет переживать несправедливые, обидные слова их учительница. Почти каждый день мама возвращается с головной болью. Иногда такая усталая, что даже говорить не может. Свернется калачиком на диване и лежит. Потом поднимается. Вере кажется, что она берёт невидимый веник, и сметает себя в кучку, чтобы снова восстать и жить дальше.

Мама не отвернулась от окна, когда Вера вошла в комнату.

– Ну, хоть проводил, – вздохнула мама.

Она понимала, какой краткой будет для Веры эта пора девичества – забыть обо всём, и бродить с любимым за руку...

– Экзамены не завали, – сказала мама.

– Ты меня прости...

– Я прощаю его, потому что он тебя всё-таки доводит до подъезда. Если бы он тебя не провожал, я бы всё это запретила.

«Чтобы больше не быть виноватым и не оправдываться» – вспомнила Вера слова Игоря.

– Очень есть хочется, – сказала она тихо, отвлекая мамины мысли.

– Что ж твой не завел в кафе поужинать? Родители денег не дают?

«Любить» и «Накормить» – для мамы были синонимы. Теперь она страдала, что Вера весь вечер была голодной – а значит, заброшенной и нелюбимой.

Мама считала, что их с Верой двое осталось друг у друга. В альбоме хранилась единственная фотография, где мама была снята вместе с отцом. В свое время Вера не дала её порвать.

– Ты здесь такая молодая, хорошая...

Смуглая дивчина с длинной косой, и распахнутыми жаркими очами. Марьяна спивала украинские песни, переписывала в тетрадку красивые и «чувствительные» стихи. И пошла учиться на преподавателя русского языка и литературы, чтобы делиться этой красотой, которую она сама так ясно чувствовала в слове – с другими.

А рядом – высокий парень в военной форме с погонами старшего лейтенанта. Они познакомились несколькими днями раньше, чем была сделана эта фотография. Группа военных в увольнительной встретилась с девушками в зале кинотеатра. Их места были рядом...

Маме не пришлось мотаться по гарнизонам. Отец служил по соседству – обучал в части молодых солдат. Он твёрдо знал, что выполняет долг перед Родиной, а уж сколько она ему за это платит – на ее совести. Офицеру не положено унижать себя поисками дополнительного заработка.

Обязанности жены были для него очевидны – утром, на плечиках должна висеть чистая гимнастерка; в доме – царить армейские чистота и порядок, а крышка с кастрюли с дымящимся борщом обязана сниматься в ту минуту, когда муж открывает входную дверь.

Мама никогда не жалела себя, и готова была до поздней ночи – больная или здоровая – варить, скоблить и мыть. Но родилась Вера – и оказалась слабым, больным ребенком. Хрупкая девочка казалась отцу выходцем с другой планеты. С крепким, горластым мальчишкой всё было бы понятно. Из него с самого начала отец начал бы растить «настоящего мужика» и «солдата». А все эти куколки, бантики, подвязанное горло... Среди ночи мама вставала, чтобы подогреть Вере молоко, унять кашель. Зажигала свет – у них была однокомнатная квартира – и видела, как муж досадливо накрывает голову подушкой.

– Может, возьмёшь отпуск, и поедешь куда-нибудь в профилакторий, отдохнёшь? – предложила мама, вновь забывая о себе.

В профилактории отцу понравилось. Он отменно танцевал, и за три недели отдыха «станцевал» себе Наташу, веселую хохотушку-блондинку. Вернулся он сам не свой.

– Ходил такой мрачный, головы не поднимал, – рассказывала мама Вере несколько лет спустя, – Я все допытывалась, что и как. А он молчал, молчал... Потом сказал «Марьяшка, случилось страшное». Я всё на свете перебрала, я уже думала, что его в иностранную разведку завербовали, а он мне: «Марьяшка, я встретил другую женщину».

Это был единственный раз в жизни, когда мать побила отца.

– Я не помню, что я тогда схватила... Что подвернулось... Крышку от кастрюли, кажется... Он только голову рукой прикрывал... Понимаешь, я же хотела, как лучше... Ты болеешь, он в «Зорях»... Я без него ремонт сделала, обои поклеила... Служба ж тяжёлая... Пусть, думаю, отдохнет... Отдохнул, скотина такая...

Отец решил, что наказан достаточно, и теперь можно уходить с чистой совестью. Он собрал вещи и переехал к Наташе. Видимо, даже она не поверила, что всё решилось так легко, и бывшая жена не попробует вернуть мужа, хотя бы ради ребенка. Поэтому Наташа настояла, отец обратился к начальству – и его перевели куда-то в Подмосковье. Куда молодая чета и отбыла.

Напоминанием об отце остался квиток на алименты, раз в месяц появлявшийся в почтовом ящике. И твёрдое мамино убеждение, что ни она сама больше не попытается строить семейную жизнь («второй раз мордой об стол я не выдержу»), ни Вере с этим делом не повезёт... Что любовь? Обманка, фальшивое золото, одна боль... Чтоб не остаться в старости одной, лучше ребенка родить, а мужика потом – турнуть.

– Вырастим, – говорила мама, в душе не сомневаясь, что это единственный вариант, который ждёт Веру, – Я помогу. А тебе главное сейчас – институт закончить, и найти хорошую работу, чтобы ни от какого паршивца в жизни не зависеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.